

Биньковская Лариса Николаевна

старший преподаватель
кафедры дизайна архитектурной среды
Белгородского государственного
технологического университета имени В.Г. Шухова

Мальцев Константин Геннадьевич

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории и методологии науки
Белгородского государственного
технологического университета имени В.Г. Шухова
<https://orcid.org/0000-0003-1398-6625>

СТРАННАЯ «СМЕРТЬ УНИВЕРСИТЕТА»: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация:

Реформирование университетского образования приняло перманентный характер со времени события, которое М. Хайдеггер определил как «смерть университета». Видимое противоречие – «реформируется то, чего больше нет» – предполагает необходимость философского истолкования. Актуальной исследовательской задачей является выяснение смысла осуществляемых реформ в связи с выяснением значения хайдеггеровского утверждения. В статье выявляются онтические основания действительности «университета разума» (классического университета). Авторы приходят к выводу, что они отсутствуют в современности: науки и образования, определявших понятие и действительность классического университета, больше нет. Современная наука направляется идеей техники и является политической наукой. Вместо образования человека, что было задачей «университета разума», целью высшего образования стало «фабричное производство» специалиста: формирование компетенций и производство человеческого капитала. Такая «фабрика» является технической школой и по-прежнему называется университетом только в смысле технического термина. Делается вывод о том, что формой современного инновационного университета является корпорация, а содержанием процесса конструирования университета как корпорации выступает цифровизация.

Ключевые слова:

«университет разума», университет культуры, инновационный университет, корпорация, техническая школа, наука, образование, цифровизация, человеческий капитал

Binkovskaya Larisa Nikolaevna

Senior Lecturer,
Department of Design of Architectural Environment,
Belgorod State Technological University
named after V.G. Shukhov

Maltsev Konstantin Gennadievich

D.Phil., Professor,
Department of Theory and Methodology of Science,
Belgorod State Technological University
named after V.G. Shukhov
<https://orcid.org/0000-0003-1398-6625>

THE STRANGE “DEATH OF THE UNIVERSITY”: EXPERIENCE IN PHILOSOPHICAL INTERPRETATION

Summary:

The reform of university education has become permanent since the event that M. Heidegger defined as the “death of the university”. The apparent contradiction – “what is being reformed that no longer exists” – presupposes the need for a philosophical interpretation. An urgent research task is to clarify the meaning of the ongoing reforms in connection with the clarification of the meaning of Heidegger’s statement. The paper reveals the ontic foundations of the reality of the “university of mind” (classical university). The conclusion is made that they are absent in modernity: science and education, which determined the concept and reality of a classical university, no longer exist. Modern science is defined by the idea of technology and is a political science. Instead of human education, which was the task of the “university of mind”, the goal of higher education is the “factory production” of a specialist: the formation of competencies and the production of human capital. This “factory” is a technical school and is still called a university only in the sense of a technical term. It is concluded that the form of the modern innovative university is a corporation, and the content of the process of constructing a university as a corporation is digitalization.

Keywords:

“university of mind”, university of culture, innovative university, corporation, technical school, science, education, digitalization, human capital

«Университет разума» – классический университет, понятие которого определили И. Кант [1], И.Г. Фихте [2], В. фон Гумбольдт [3] и вслед за ними М. Хайдеггер, – «умер», как заявил М. Хайдеггер [4, с. 141, 467], в 1890 г., но продолжает существовать, причем настолько, что его перманентное реформирование представляется одной из важнейших задач государственной политики. Связать воедино эти два утверждения необходимо; единственный способ здесь – философское истолкование. Утверждение о «смерти университета» имеет смысл как событие; реформирование университета чаще всего представляется как техническая проблема: достижение целей, заданных требованиями к качеству и содержанию образования рынком труда. Следова-

тельно, задачей философской интерпретации является раскрытие перспективы, в которой несовместимые непосредственно планы действительности (даже разные действительности) могли быть истолкованы, т. е. взаимно опосредованы; так тематизируется предмет данной статьи.

«Университет разума» как форма существования науки обучал знанию (М. Хайдеггер); понятие университета определялось через представление науки (*essentia*, реальность); его действительность обуславливалась способами, какими знание становилось своим (усваивалось), чтобы расти; романтики называли это образованием «из себя свободным» ростом человека в индивиде. Таким образом, истолкование смысла науки и образования является введением в понятие университета.

То, что понималось под наукой в классическом университете, принципиально отличается от современного представления о ней (несколько опережая, отметим, что истинным в специфически новоевропейском значении является современное представление, когда завершилось вхождение науки в свою собственную форму, определяемую до конца развернувшейся ее сущностью).

В курсе лекций «Гегелева “Феноменология духа”» М. Хайдеггер определяет понятие науки, свойственное Г. Гегелю: под наукой как таковой не понимается научное исследование вообще и в целом в том смысле, который имеется в виду, когда мы говорим: варварство угрожает дальнейшему существованию науки. Наука, о системе которой идет речь, есть целое высшего знания в собственном смысле слова. Это знание есть философия. Здесь наука рассматривается в том же смысле, в котором она представлена в фихтевом понятии «наукоучение». В этом учении речь идет не о науках (оно не «логика» и не «теория знания»), а о науке как таковой, т. е. о самораскрытии философии как абсолютного знания [5, с. 16].

М. Хайдеггер показывает, что такое понятие науки необходимо: «Но почему философия называется “собственно наукой”? Мы склонны – потому что привыкли – объяснять это так: философия закладывает основу существующим или возможным наукам, то есть определяет пределы и возможность их областей – например, природы и истории – и обосновывает их метод. Будучи обоснованием всех наук, сама философия тем более должна быть наукой: ведь она не может быть меньше того, что возникает из нее, то есть меньше наук. Если к области, обоснование которой философия – в такой постановке задачи – берет на себя, причисляют не только знание по способу теоретического знания наук, но и все прочие формы знания – знание техникoпрактическое и морально-практическое – тогда тем более понятно, что обоснование всего этого надо называть “наукой”» [6]. Далее мыслитель утверждает, что «такое понимание философии существует со времен Р. Декарта и развивается более или менее ясно и полно. Оно определило все последующие века и пытается неким возвратным образом оправдать себя с помощью античной философии, в которой философия тоже считалась знанием, высшим знанием» [7]. Именно это понятие науки является основанием для «университета разума» как места обучения знанию.

Но дело в том, что такое представление новоевропейской науки не является ни истинным, ни собственным. Новоевропейская наука определяется идеей техники – поставом: «Сущность техники расположена в области, где имеют место открытие и его непотаенность, где сбывается $\alpha\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$, истина» [8, с. 225] и «правда, то раскрытие, каким захвачена современная техника, развертывается не про-из-ведением в смысле $\pi\rho\acute{o}\iota\sigma\iota\varsigma$. Царящее в современной технике раскрытие потаенного есть производство, ставящее перед природой неслыханное требование быть поставщиком энергии, которую можно было бы добывать и запасать как таковую» [9]. Выведение из потаенности, «которым захвачена современная техника», «носит характер предоставления в смысле добывающего производства. Оно происходит таким образом, что таящаяся в природе энергия извлекается, извлеченное перерабатывается, переработанное накапливается, накопленное опять распределяется, а распределенное снова преобразуется. Извлечение, переработка, накопление, распределение, преобразование – виды выведения из потаенности» [10]. Способ, каким техника открывает «непотаенное», есть управление: «Это выведение, однако, не просто идет своим ходом. Оно и не растекается в неопределенности. Техническое раскрытие потаенного раскрывает перед самим собой свои собственные сложно переплетенные процессы тем, что управляет ими. Управление со своей стороны стремится всесторонне обеспечить само себя. Управление и обеспечение делаются даже главными чертами производящего раскрытия» [11].

Наука, определенная идеей техники, не есть первое, как это обычно представляется, но есть следствие: «В истории решает не то, что сбывается сначала, а то, что достигается последним и заключает в себе все прежнее и просвечивает через него. Это последнее только раскрывает начало, а значит, самого себя как его вторжение (*Ubergriff*). Ибо подлинное начало устанавливает предел соответствующего ему конца и препятствует простой кончине» [12]. Поэтому, если даже «по историографическому счету времени начало современного естествознания приходится на 17 век. Машинная техника, напротив, развивается только со второй половины 18 века» [13], то «более позднее для исторической фактографии – современная техника – по правящему в ней существу есть более раннее событие» [14].

Новоевропейская наука в своей сущности определена поставом; это означает, что наука есть в первую очередь никак не «свободный поиск истины», но одна из областей производства в том смысле, который определил М. Хайдеггер: предоставление, расчет, «удержание в наличии» и все, к этому относящееся. Извращение знания, возникшее не «вчера», необходимо и неизбежно, и именно в этом извращении обретается то, что называется наукой. «Знание извращенно подается как простой инструмент, которым можно оперировать и который должен быть под рукой. Затем сообразно этому требуют соответствующего освоения этого инструмента и его “близости к жизни”. “Жизнь” понимается как Понятная суета ближайшей повседневности и ощутимой пользы от той повседневности и ее насущных потребностей» [15]. Таким образом, «науки все больше сливаются с повседневностью и тем самым становятся одновременно неважными и полезными, как булочные и канализация» [16, с. 121]. «Близость к жизни», в том числе практичность (наука как непосредственная производительная сила и выдвигаемое в этой связи понятное и само собой разумеющееся требование «связи с производством», а отсюда и «задача реформирования университета» и вполне чистосердечное возмущение тем, что «выпускник университета не готов к практической работе»), не есть просто «измышление невежд» (хотя в публичном пространстве, прежде всего, именно это), но существенно определяет современную науку. Прогресс науки «состоит поэтому также не в получении новых результатов, а в превращении производственного процесса во все более упрощенный и само собой разумеющийся» [17]. «Со временем поэтому также серьезно уменьшатся требования к знаниям, предъявляемые для руководства производством, и, соответственно, требования к людям, занимающимся научным “производством”» [18], и даже возможно, что «два года солдатской службы являются лучшей подготовкой к науке, чем четыре семестра “обучения в высшей школе”, которая еще по старой традиции обучает всякой всячине или даже еще наставляет “философски”» [19], т. е. наука требует «способности к незаметному и привычному рабству, которое имело соответствующие ему противовесы в других уже готовых формах и организациях удовольствия и развлечения. Эти противовесы четко настроены на то, чтобы не подвергать опасности бездумность» [20].

Такая наука предполагает (в той степени, в какой наука все еще что-то значит для университета), что техническая высшая школа давно обогнала университеты; последние могут выживать, лишь уподобляясь первой; из этого уподобления возникает комплекс университетских наук, собранных вокруг ядра – технической высшей школы, в центре которой в свою очередь находится военно-технический факультет» [21]. Таким образом, определяется суть того, что все еще по привычке называется университетом.

Здесь уместно привести рассуждение Х.-Г. Гадамера: «Отныне преемственность традиций европейского мышления утрачивает свою неизменную континуальность. Ведь это означает исчезновение той наивности, с которой прежде можно было ставить понятия, почерпнутые из традиции, на службу собственной мысли. С тех пор отношение науки к этим понятиям отличается странной необязательностью, независимо от того, пользуются ли ими «ученым», чтобы не сказать архаизирующим, образом или же обходятся с ними по типу технического манипулирования, превращая их в простые орудия» [22, с. 42–43]. Конечно, как технический термин «университет» годится для именованного того, что теперь занимает место бывшего (и «умершего» в 1890 г.) университета, но именно в качестве технического термина.

Таким образом, онтическое основание университета существенно изменилось; университет по-прежнему есть место для науки, но современная наука, ставшая «самой собой», по М. Хайдеггеру, предполагает другую организацию своего места. Отсюда можно вести рассуждение в двух направлениях: либо, как это делает К. Ясперс в работе «Идея университета» [23], доказывать необходимость реставрации «университета разума», что возможно только вследствие отличного от хайдеггеровского понимания техники (инструментального, «нейтрального») и традиционного представления о взаимосвязи науки и техники; либо, вслед за М. Хайдеггером, искать понятие того, что стало формой организации современной науки: университет как техническая школа (или ремесленное училище, что более привычно для отечественного читателя и более реалистично в нынешних условиях).

К. Ясперс определяет нужду в университете, исходя из сущности науки, которая требует единства (хотя бы в форме междисциплинарности [24]) и утверждает, что только философия, с характерной исключительно для нее «объемлющей функцией», способна обеспечить выполнение этого необходимого для реального (понятие, *essentia*) и действительного (существование, *existentia*) бытия науки. Таким образом, классический «университет разума» получает основание, определяющее необходимость его реставрации, пусть и в сильно «модернизированном» варианте. Гегелевское понятие науки, таким образом, полагается ее истинным понятием; инструментализация (технизация) науки происходит под давлением внешних для нее факторов (основной – потребности производства и массовой подготовки специалистов); задача реставрированного «университета разума» – хранить баланс в перспективе удержания сущности науки.

Если же согласиться с М. Хайдеггером (следует понимать, что согласие с К. Ясперсом или М. Хайдеггером не определяет в перспективе истинности, однако выбор отсылает к двум различным парадигмам современности, т. е. это, по сути, политическое решение [25]), то университет становится технической школой: это, повторим, следует из существа науки.

Что произошло с наукой в ходе развития, которое уходит далеко в прошлое и теперь только ускорилося? Наука охватывает здесь науки о природе и духе. Одни превратились в технику, с пока еще необходимым дополнением под названием «теория». Другие стали журналистикой, с пока еще необходимым дополнением под названием «сбор материала». И техника и журналистика обладают преимуществом близости к жизни; прежде всего, они больше не ставят всех тех, кто теперь занял руководящие должности, перед каким-либо решением, теперь главное – погоня за новым и опережение его с помощью «самоновейшего» [26]; наука стала инновационной, т. е. именно такой, какой от нее требуют быть современные менеджеры.

Наука есть вид производства и встроена в производство; «ей уже не избавиться от лакейской роли своей деятельности. И этот характер есть следствие ее новоевропейской сущности (обретение рассчитываемости и объяснимости всего). Лакейский характер будет развиваться тем сильнее, чем больше сейчас вновь становятся “успехи” и “престиж” – а чего еще ищет лакей? Размер же “успехов” и “престижа” гарантирован, ибо лакей поступил на весьма перспективную службу» [27]. Связь науки и производства становится непосредственной и в сочетании с инновационной природой современной науки «вскоре явится, пожалуй, необозримое количество “результатов” – и знание будет делаться все более несущественным, поскольку в “новозаведенном” предприятии, которое в принципе возникло в 1890 году, – люди снова благоденствуют, в особенности потому, что сейчас открыты вещи, о которых и не подозревали “либеральные” господа предыдущего поколения» [28].

Современная наука есть политическая наука; разумеется, не в значении науки о политике, но политичность есть существенный признак новоевропейской науки: «То, что “наука” теперь делается “политической”, есть лишь следствие ее глубиннейшей новоевропейской, то есть технической, сущности» [29]. Во-первых, наука не просто восприимчива или толерантна, но непосредственно определяется идеологией, причем это относится не только к наукам об обществе, политическая ангажированность которых общеизвестна, но теперь и к естествознанию (примерам несть числа, от лишения первооткрывателя гена всех научных регалий за неполиткорректные высказывания до «этнической математики», которая не должна быть нацелена непременно на «правильный результат»). Во-вторых, что значительнее, «сегодняшняя “наука” вообще может быть превращена в “политическую” науку, предполагает технический характер новоевропейской науки. Прежняя наука не преодолевается этим превращением, но, напротив, лишь тогда и вступает в свои права и доводится до конца. Вот почему в сущностном смысле “новое” в науке не может больше возникать, новое есть только направление применения» [30]; инновационная наука больше не есть рост знания. Проблема, по мнению М. Хайдеггера, заключается в том, что благородные стремления реставрировать/возродить «университет знания» основываются на том, что науке не хватает мужества к тому, что она как новоевропейское явление уже есть [31].

Инновационная наука, непосредственно связанная с производством, есть практико-ориентированная наука и предполагает не образование, а подготовку специалистов – задача университета как технической школы. «Наука, производимая фабричным способом», предполагает, что производство знания происходит больше не в университете, а на «фабрике». В современности в наличии другое, чем было у классического университета, определяющее университет, основание: техника как «предоставляюще-просчитывающее представление наличного в готовность и распоряжение». Современный университет – это именно профессиональная школа: по Хайдеггеру, он уже соскользнул «в чистую профессиональную школу в результате своего превращения в исследовательское заведение», обучение в котором «ориентировано на полезность» [32]. «Сохранение единства исследования и обучения не означает защиты от «падения» до уровня профессиональной школы; напротив, оно еще более ускоряется из-за единства исследования и обучения, даже если исследование получает ту же цель, направленную на рассчитывание и эксплуатацию и упорядочивание сущего, что и обучение» [33]. Это и есть сущность современной науки, определенной идеей техники.

Форма «университета знания», помимо того, что он был «местом науки», определялась, как мы уже отмечали, еще и тем, что здесь происходило образование; воспитание к знанию означало выращивание/рост образованного человека; существенными в этом отношении полагались задачи воспитания гражданина и культурного человека; на первой задаче акцентировал внимание И.Г. Фихте в «Речах к немецкой нации» [34], на второй – Х. Ортега-и-Гассет в речи «Миссия университета» [35].

Значение государственных институтов образования для конституирования нации признавали не только немецкие романтики (и правительственные чиновники), но и вполне либеральные современные социологи: Э. Геллнер [36], Б. Андерсон [37], П. Бурдьё [38]. Причем среднее образование определялось как обеспечивающее унификацию как «национальную идентичность» в «клетке» (М. Манн [39]) государства-нации; высшее образование есть институт, где совершалось, по И.Г. Фихте, «самосознание», т. е. нация становилась «для себя», приобретая политическую субъектность (именно это интересовало философа больше всего во время написания работы, на которую мы ссылаемся).

Как отметил Б. Ридингс [40] в начале 1990-х гг., процессы, называемые глобализацией, если не снимают актуальность такой унификации тотально, то сильно ограничивают ее значимость в глобальной перспективе; как ненужное и даже вредное оценивается «свободно самоопределяющееся», т. е. суверенное, национальное самосознание. Тотальная унификация университетов как фабрик по производству знания, таким образом, определяется не только превращением науки в разновидность машинного производства в горизонте определения поставом, но получает импульс со стороны глобализации как формирование тотально гомогенного политического пространства (локальности здесь не имеют политической субъектности, т. е. могут определяться как исключенности, по З. Бауману [41]), безусловно исключаящего национальный суверенитет.

Что касается университета культуры, права которого отстаивал Х. Ортега-и-Гассет, сама идея культуры более не действительна по еще более метафизическим, чем идея нации, причинам, определенным М. Хайдеггером. Культура есть феномен Нового времени («великие эпохи не имели культуры»); ее суть – культурная политика как техническое производство «культурных артефактов» для организации переживания [42]. Другими словами, наука как производство знания и культурная политика как производство культуры имеют одно основание – технику (идея техники называется поставом и не содержит ничего технического). Если современный университет и участвует в производстве культуры, то как сопутствующего продукта для потребления («организация переживания»), величина которого постоянно уменьшается.

Итак, то, что теперь именуется университетом (современный инновационный университет), есть фабрика по производству технического (полезного) знания и человеческого капитала [43] как фактора биополитического производства жизни как современности. В нем нет больше того, что называлось образованием; целью является производство специалистов для рынка труда по унифицированным стандартам, определяемым государством, образование заменило формирование компетенций. Б. Ридингс в 1993 г. дал название такой фабрике – корпорация. В той степени (весьма незначительной), в которой университет еще не стал корпорацией и не изжил остатки (в значении, которое придавал им В. Парето [44]) университета культуры и тем более национального центра, он есть «симулякр третьего уровня» (Ж. Бодрийяр [45]), т. е. имитирует то, чего нет: имитация пустоты.

Современный инновационный исследовательский университет как корпорация есть одновременно профессиональная школа и «симулякр третьего уровня»; его дальнейшее «совершенствование» (реформирование) нацелено на окончательное снятие названной остаточной двойственности: действительная разделенность должна быть синтезирована (и сохранится как методическая различенность). Цифровизация [46] есть механизм достижения определенной таким образом цели: осуществление «мечты новоевропейского субъекта» – «окончательно встроиться в машину» [47]. Следовательно, классический университет, «университет разума», действительно «умер».

Ссылки:

1. Кант И. Спор факультетов / Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 57–136.
2. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб., 2009. 350 с.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. 450 с.
4. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М., 2016. 584 с.
5. Хайдеггер М. Гегелева «Феноменология духа». СПб., 2020. 285 с.
6. Там же. С. 16–17.
7. Там же. С. 17.
8. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 221–238.
9. Там же. С. 226.
10. Там же. С. 227.
11. Там же.
12. Хайдеггер М. Размышления II–VI... С. 463.
13. Хайдеггер М. Вопрос о технике. С. 231.
14. Там же. С. 230.
15. Хайдеггер М. Размышления II–VI... С. 242.
16. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М., 2018. 528 с.
17. Там же. С. 149.
18. Там же.
19. Там же. С. 149–150.

20. Там же. С. 150.
21. Там же.
22. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.
23. Ясперс К. Идея университета. Минск, 2006. 159 с.
24. Жданова И.В., Мальцев К.Г. «Самооправдание философии»: «междисциплинарность» как способ «встроиться» в «дисциплинарную структуру» современной науки // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 5. С. 126–133. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-5-126>.
25. Мальцев К.Г., Зайцева Е.А. К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «социального порядка» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта). Ч. 2: Децизионизм К. Шмитта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 103–114.
26. Хайдеггер М. Размышления II–VI... С. 412.
27. Там же. С. 467.
28. Там же.
29. Там же. С. 320.
30. Там же. С. 328–329.
31. Там же. С. 445.
32. Хайдеггер М. Размышления VII–XI... С. 366.
33. Там же.
34. Фихте И.Г. Указ. соч.
35. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск, 2005. 104 с.
36. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. 320 с.
37. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.
38. Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016. 720 с.
39. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы. Кн. 1. М., 2018. 503 с.; Кн. 2. М., 2018. 507 с.
40. Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010. 299 с.
41. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. 188 с.
42. Понятие политического и мировой беспорядок: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка. Кн. 1: Глобальная перспектива и государство-нация суверенного народа в экономической парадигме политического / К.Г. Мальцев [и др.]. Белгород, 2020. 727 с.
43. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 5. С. 242–252.
44. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2008. 511 с.
45. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006. 389 с.
46. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении М. Хайдеггера // Человек. Культура. Образование. 2020. № 4 (38). С. 46–58. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2020-4-46>.
47. Мальцев К.Г., Ломако Л.Л. Искусственный интеллект как проблема философии: несколько замечаний к постановке вопроса в горизонте утверждений М. Хайдеггера о сущности новоевропейской науки // Философские и социально-экономические проблемы исследования инновационных технологий и искусственного интеллекта / науч. ред. В.О. Шелекета. Белгород, 2020. С. 192–199; Хайдеггер М. Размышления VII–XI... С. 416.

Редактор, переводчик: Арсентьева Ирина Ильинична